

нужное для устройства внутреннихъ, а особливо хозяйственныхъ дѣлъ ея, равномѣрно и для благоденствія Вашихъ подданныхъ: ибо цѣлому свѣту извѣстно, что въ томъ состоятъ всѣ предметы неусыпнаго и многотруднаго Вашего попеченія.

31-го Декабря,
1805.

Записка эта печатается съ черноваго подлинника, сохранившагося въ бумагахъ покойнаго Алексѣя Николаевича Шенига и сообщеннаго намъ при обязательномъ посредствѣ князя Николая Сергѣевича Оболенскаго. — Въ то время, когда писана эта записка, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ собственно находился не у дѣлъ: онъ носилъ званіе Канцлера Россійскихъ орденъ и состоялъ членомъ тогдашняго еще не преобразованнаго Государствен-

наго Совѣта. Другъ Императора Павла и императрицы Маріи Ѳеодоровны счелъ своимъ долгомъ подать голосъ въ критическую минуту Русской исторіи, послѣ Аустерлицкаго разгрома, въ коемъ едва не погибъ самъ государь. Когда Александръ Павловичъ пріѣхалъ изъ Моравіи въ Петербургъ, князь Куракинъ вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ кн. Прозоровскимъ, въ день его рожденія 12 Дек. 1805 г., подносили ему ленту Военнаго ордена, въ ознаменованіе оказанной имъ храбрости въ бою; государь принялъ знаки ордена, но лишь четвертой степени. Совѣтъ князя Куракина былъ принятъ, и въ Апрѣль 1806, по окончательномъ возвращеніи изъ похода Русскихъ войскъ, послали въ Парижъ для переговоровъ ст. сов. Убри, подъ предлогомъ попеченія о нашихъ плѣнныхъ. 18-го Іюля того же года князь Куракинъ назначенъ посломъ въ Вѣну. *П. Б.*

ВОСПОМИНАНІЕ О М. И. ГЛИНѢ.

М. И. Глинка, въ письмахъ своихъ къ К. А. Благкову сочувственно отзывается о В. Н. Кашперовѣ, а князь В. Ѳ. Одоевскій, въ призываніяхъ къ этимъ письмамъ, передаетъ, что знаменитый композиторъ скончался на рукахъ его. См. выше стр. 347, 364 и 377). Поэтому, печатая письма Глинки въ Русскомъ Архивѣ, мы обращались къ В. Н. Кашперову (нынѣ профессору Музыкальной Консерваторіи въ Москвѣ) съ просьбою сообщить воспоминанія его о Глинкѣ. Нижеслѣдующая статья есть обязательный ли намъ отвѣтъ на запросъ нашъ. — Здѣсь кстати исправить ошибку, вкравшуюся въ призываніе къ письмамъ (стр. 350): Автобиографическій разсказъ М. И. Глинки напечатанъ въ Русскомъ Вѣстникѣ не 1863, а 1857, томъ XI, (Октябрь) стр. 768 и д. *П. Б.*

М. Г. Благодарю Васъ за внимательность, которою Вамъ угодно было почтить меня: — корректурные листы съ письмами дорогаго Михаила Ивановича Глинки я получилъ. Въ этихъ письмахъ онъ обрисовывается несравненно ярче и полнѣе, чѣмъ въ какихъ либо биографическихъ очеркахъ. Лишь одна

сторона его жизни вовсе не выяснена, и мнѣ кажется, что никто еще не взялся разъяснить то, что составляло существенную причину его постоянныхъ и глубокихъ страданій, сначала нравственныхъ, — а потомъ и физическихъ конечно.

Онъ часто говаривалъ у насъ въ домѣ, — когда мы жили въ Берлинѣ — въ 1856 году: — „J'ai toujours été maltraité moralement.“ (*)

Многіе возразятъ: да вѣдь онъ былъ чрезвычайно впечатлителенъ какъ художникъ, а подъ конецъ раздражителенъ до болѣзни — и на такомъ объясненіи успокоятся. Мнѣ самому случалось слышать такого рода сужденія и даже отъ короткихъ его пріятелей. Но мнѣ

(*) Со мною всегда жестоко обращались въ смыслѣ нравственномъ.

кажется, что болѣзненные явленія такого рода особенно замѣчательны въ чело- вѣкѣ каковъ Глинка, отъ природы все- ма крѣпкаго организма, имѣвшій успѣхъ, полный и блистательный въ своемъ дѣ- лѣ. Было время, когда въ высшихъ сфе- рахъ общества искали случая съ нимъ познакомиться; его знали какъ ориги- нального и даровитаго композитора во всей Европѣ, такъ что, какъ *компози- торъ*, онъ могъ считать себя однимъ изъ самыхъ счастливыхъ. И такого-то гениальнаго, крѣпкаго челоуѣка русское общество уложило въ гробъ до 54 лѣтъ, безъ особенныхъ видимыхъ причинъ! Лишь одинъ рѣзкій признакъ остается на виду: „j'ai toujours été maltraité moralement“, — по которому тотчасъ прихо- дить на память цѣлый рядъ воспомина- ній изъ его рассказовъ, какъ его чти- ли, коль скоро вліятельное лицо его обла- скаетъ и похвалитъ и какъ отъ него отворачивались, когда вліятельное лицо его забывало.

Если въ Европѣ, за весьма малымъ исключеніемъ, большинство даже вели- кихъ композиторовъ страдало отъ дур- наго обращенія съ ними и какъ Моцартъ умрала рано и въ нищетѣ, — то тутъ причина довольно ясна: сами эти ком- позиторы были весьма односторонняго образованія и вообще мало развиты, а потому, когда не нужна была музыка, ста- рались избѣгать музыкантовъ *только*, которые другихъ интересовъ для обще- ства и не представляли; другими сло- вами, общество за *композиторомъ че- ловѣка* не видѣло, или не хотѣло видѣть.

Съ *Глинкой* совсѣмъ другое было: онъ самъ былъ изъ такъ называемаго порядочнаго общества, былъ пріятель Жу- ковскаго, Пушкина и по развитію при- надлежалъ скорѣе къ высшему кругу.

Это уже ясно указываетъ на низкій уровень общественнаго воспитанія; я говорю о воспитаніи дѣйствительномъ, а не внѣшнемъ, которое учитъ — когда и гдѣ какія перчатки надѣваются, сколько кому платится визитовъ и

какимъ особамъ улыбаться подо- баетъ; обойтись же по челоуѣчески съ лицомъ, котораго вы не боитесь или въ которомъ вы не пужаетесь, у насъ умѣ- ютъ весьма немногіе даже въ ученой и развитой средѣ. Въ нашемъ обществѣ нужно *умѣть казаться, имитировать*; ни того ни другаго у Глинки не было и слѣда.

Если взять всё это въ соображеніе, то легко понять, сколько грубыхъ и незаслуженныхъ оскорбленій должна бы- ла выстрадать эта добродушнѣйшая и впечатлительная натура, которой толь- ко и оставалось что сжиматься какъ мимозъ (какъ онъ самъ себя любилъ называть) отъ всякаго грубаго прикосновенія.

Припоминая всѣ рассказы Глинки по поводу вышесказанной французской фра- зы, удивляешься только, какъ онъ вы- держалъ такъ долго такую нравствен- ную каторгу.

Ему часто приходилось испытывать отъ нашего общества то чуть не цар- ской почеть, то, и вслѣдъ за тѣмъ, взгля- ды съ высока и униженіе, а подъ часъ и насмѣшки. Такъ на примѣръ между офицерами не разъ повторялась фраза: „смотри не понадишь въ чемъ нибудь — а то тебя пошлютъ Руслана слушать“. Эта фраза повторялась потому, что она была произнесена однимъ изъ вліятель- ныхъ.

Толковать здѣсь, почему мы еще не доросли до простаго чувства челоуѣче- скаго достоинства, и почему мы его мало цѣнимъ и въ себѣ и въ другихъ, — вовсе не у мѣста; но нельзя не помѣ- тить существенной причины постоян- ныхъ и глубокихъ страданій М. И. Глинки.

Характеристическая черта его была добродушная веселость, которая его не оставляла, за исключеніемъ лишь того времени, когда онъ испытывалъ на себѣ чье либо грубое прикосновеніе. Даже съ докторомъ, за недѣлю до смер-

ти, онъ еще шутилъ и встрѣчалъ его фразой: — Знаете-ли, докторъ, я гораздо болѣе боюсь медиковъ, нежели самой болѣзни“. А потомъ за день до смерти, когда я его подымалъ съ постели и „облекалъ его въ ризы“ (какъ онъ выражался), онъ еще смѣшилъ насъ разными прибаутками, надѣвъ на себя чепецъ одной изъ сидѣлокъ (ихъ было двѣ.) Указывая на нихъ глазами, онъ прибавлялъ мнѣ потомъ по русски: „Какъ же ихъ не смѣшить, — вѣдь имъ тоска сидѣть день и ночь съ больнымъ старикомъ!“

Страдалъ онъ физически болѣе всего послѣднюю недѣлю; у него было затверденіе печени, и его по временамъ болѣзненно схватывало; но съ раздыханіемъ, такъ что онъ могъ иной разъ придумывать, лежа на постели, интересныя контрапункты.

Онъ, послѣднюю осень, занимался съ профессоромъ Деномъ: Канономъ и Фугой; а потомъ все собирался вмѣстѣ со мною ѣхать въ Италію для изученія голосовъ и составлялъ планы, какъ удобно и пріятно будетъ намъ поѣзженіе на Lago di Como, гдѣ онъ по картѣ выбралъ Villa-Miliana.

Я привезъ въ Берлинъ небольшую русскую бібліотеку: — Гоголя, Островскаго, Тургенева, Григоровича, Бѣлинскаго, Кудрявцева и другихъ. Глинка жадно вчитывался въ нихъ, и иной разъ до слезъ умилился надъ ними. Тутъ только, въ Берлинѣ, я замѣтилъ, что онъ литературы нашей съ сороковыхъ годовъ вовсе не зналъ, потому что въ свое время вращался въ такой средѣ, которая кромѣ Пушкина, Жуковскаго, Карамзина и еще немногихъ, никого не признавала за литераторовъ, и пробавлялся болѣе иностранной литературой.

Послѣдніе три мѣсяца, Русскіе, желавшіе его видѣть въ Берлинѣ (ихъ было вѣроятно весьма немного, — я помню лишь графа Матвѣя Вѣльгорскаго, А. Рубинштейна, князя В. О. Одоевскаго,

да И. С. Тургенева), могли застать маленькую коренастую фигуру Глинка, въ стеганомъ ватномъ холатѣ, съ аршиннымъ карандашемъ въ рукахъ, въ бархатной фескѣ, изъ которой вырывался на лобъ не послушный съ просѣдью вихорь, въ длинныхъ бѣлыхъ чулкахъ, съ цвѣтными подвязками, которыхъ у него было очень много, и въ башмакахъ. Какъ только его нужно было одѣвать, то слуга обязывался весь трудъ брать на себя, даже умыть и причесывать; тутъ были сохранены всѣ приемы русскаго барича 20-хъ годовъ. Денегъ, выходя изъ дома, онъ при себѣ держать не любилъ, потому что сознавалъ за собой привычку всѣ имѣющіяся при немъ деньги непремѣнно израсходовать.

Во время музыкальныхъ исполненій, какъ впечатлительный человекъ, онъ не умѣлъ сдерживать себя ни въ похвалахъ ни въ порицаніяхъ, такъ что когда мы сидѣли втроемъ въ оперѣ (т. е. Глинка, жена моя и я), то онъ начиналъ съ того, что упрашивалъ насъ сидѣть какъ можно тише. „Барыня, ни гугу!“ обращался онъ къ моей женѣ, а потомъ поднималъ одинъ такой шумъ, что обращалъ на себя вниманіе всѣхъ благочестивыхъ посѣтителей *Ordn=Haus*, и разъ даже Мейерберъ явился къ намъ съ полукомическимъ тономъ заявить, что въ нашей ложѣ, говорятъ, есть какой-то маленькій Русскій, который шумитъ на весь театръ.

Глинка былъ очень хорошо знакомъ съ Мейерберомъ, и потомъ познакомилъ и меня съ нимъ. Сколько искреннихъ и непритворныхъ похвалъ высказывалъ мнѣ Мейерберъ въ особенности объ оркестровкѣ Глинка!

Говоря о Глинкѣ, нельзя не вспомнить о томъ, съ какимъ интересомъ и сочувствіемъ относился онъ ко всякому мало-мальски серьезному начинанію въ музыкѣ у Русскихъ. Когда я ему показывалъ мою первую оперу

„Цыгане“, ему понравились два номера, и онъ тотчасъ, обратившись ко мнѣ съ симпатичною рѣчью, заключилъ такъ: „я почту за наслаждение и за нравственную обязанность покончить ваше музыкальное образование“.

Въ разговорахъ съ нимъ о комъ либо изъ музыкантовъ Русскихъ или иностранныхъ, никогда не проскальзывало тѣни зависти. Кто зналъ его коротко, тотъ замѣтилъ, что преобладающія стороны его личности были: нѣжность, дѣтская наивность, добродушная веселость, соединенная съ легкимъ оттѣнкомъ юмора.

Послѣднее время онъ какъ-то отъ всего отвернулся, самъ мало писалъ и болѣе обдумывалъ новыя музыкальныя формы, предлагаемыя ему Деномъ, но это была схоластика; со мною же онъ не разъ бесѣдовалъ какъ вдохновенный музыкантъ и не разъ бралъ у меня перо изъ рукъ и поправлялъ мою работу. Такъ помню, я былъ имъ посланъ къ Фрокману въ Петербургъ для напечатанія моего романса съ двумя окончаніями: одно его, другое мое, „Очарованіе красоты въ тебѣ не страшно намъ“ (слова Баратынскаго).

Онъ хотѣлъ, чтобы я съ его словъ записалъ характеристику оркестра вообще и cadaго инструмента порознь. Она сохранилась у меня какъ дорогое воспоминаніе.

Препровождаю къ вамъ отысканныя у меня письма Глинки. Жаль, что всѣ они кромѣ этихъ двухъ растеряны при посто-

янныхъ переѣздахъ за границей и вѣроятно все же на таможенныхъ.

Въ Италіи мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ громаднѣйшаго успѣха симфоническихъ произведеній Глинки.

Въ 1864 году я выписалъ нѣсколько партитуръ его; получивъ ихъ, тотчасъ же передалъ „Аррагонскую хату“ и „Мадритскую ночь“, въ лучшее симфоническое общество въ Миланѣ. Исполненіе было такъ вѣрно и хорошо подъ руководствомъ превосходнаго директора Басси, что энтузіазму не было границъ. На слѣдующій день нѣсколько газетъ заявили желаніе публики услышать еще разъ „Аррагонскую хату“ и „Мадритскую ночь“. Берлинцы, Мейерберъ во главѣ, исполнявшіе нѣсколько №№-въ изъ „Жизни за Царя“ въ 1856-мъ году при дворѣ Пруссакаго короля, могли бы справедливо позавидовать итальянскому исполненію Глинки въ Миланѣ.

Помню, что послѣ придворнаго концерта въ Берлинѣ, Глинкѣ былъ предложенъ орденъ или денежное вознагражденіе, но онъ до того былъ недоволенъ исполненіемъ, что отказался и отъ того и отъ другаго, все недоумѣвая: зачѣмъ бы это нужно было Мейерберу исполненіе „Жизни за Царя“ при Прусскомъ дворѣ?...

Это случилось, кажется, въ Декабрѣ 1856 г., а черезъ мѣсяць его уже не стало.

На похоронахъ присутствовали лишь Мейерберъ, Денъ и Вашъ покорнѣйшій слуга
В. Кашперовъ.

25-го Декабря 1868.

ПИСЬМА М. И. ГЛИНКИ КЪ В. Н. КАШПЕРОВУ.

I.

Figlio carissimo!

Уже нѣсколько дней, какъ я получилъ письмо ваше; не отвѣчалъ же вамъ по причинѣ занятій и хворобы.

Премного благодарю васъ за ваши искреннія и дружескія выраженія и

прошу васъ вѣрить, что и мои чувства не менѣе искренни. Если бы вамъ пришлось по сердцу, пользуясь настоящими обстоятельствами, по слабости здоровья, отдѣлаться отъ службы и съѣхать со мной въ Парижъ (гдѣ я намѣренъ провести часть лѣта, осень и зиму), какъ бы было хорошо!